

УДК 159.97

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-92-105

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В СВЯЗИ С ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ УВЕРЕННОСТЬЮ
И ВОПЛОЩЕННОСТЬЮ «Я» (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ)***

Коптева Наталья Васильевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

На основании предложенной В.А. Емелиным, А.Ш. Тхостовым, Е.И. Рассказовой модели психолого-логических последствий нормативного использования информационных технологий, включающей изменения психологических границ, потребностей и психологическую зависимость, выдвигается гипотеза о том, что к ним также может быть отнесена невоплощенность, обусловленная «отсутствием» у человека, пребывающего в эфире, физического тела, превращение его в «нематериальное» существо (по М. Маклюэну). Новый технологический способ бытия-в-мире сближается с шизоидным, который британский психолог, психиатр Р.Д. Лэйнг соотносит с экзистенциальным положением онтологической неуверенности, невоплощенности (ментального Я в теле), нарушением границ между Я и не-Я в пространстве бытия. Основу исследования составляет авторский конструкт онтологической уверенности как двухуровневой системы переживаний, восходящий к концепции Р.Д. Лэйнга, и производные от него диагностические методики: построенная на принципе семантического дифференциала ОУ(СД) и психометрическая ОУ(ПМ). Установлено, что группу студентов с более выраженными последствиями нормативного использования мобильной связи и показателем склонности к интернет-зависимому поведению, отличающимся со сформированной зависимостью, отличает более низкий уровень онтологической уверенности, как переживания бытийных опор в собственном Я и за его пределами, экзистенциального антагонизма (признака экзистенции как «хорошей жизни») и более высокий — ложного Я, соответствующего онтологической неуверенности, невоплощенности. В общей выборке обнаружен избирательный характер связи последствий нормативного использования мобильного телефона и онтологической уверенности, в частности ее снижение с ростом параметров изменения психологических границ, предполагающих как рефлексию нарушения собственной приватности в условиях их расширения и размытия, так и использование этих условий с целью упрощения общения с другими людьми и повышения его безопасности.

Ключевые слова: онтологическая уверенность, воплощенность, изменение психологических границ, интернет-зависимость.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, в рамках научного проекта № 19-29-07046.

PSYCHOLOGICAL EFFECTS OF INFORMATION TECHNOLOGY USE
IN RELATION TO ONTOLOGICAL SECURITY AND EMBODIED SELF
(BASED ON THE STUDY OF UNDERGRADUATES
OF HUMANITARIAN FACULTIES)

Nataliya V. Kopteva

Perm State Humanitarian Pedagogical University

The model of «normative» use of information technology (offered by V.A. Emelin, A.Sh. Tkhostov, E.I. Rasskazova) describes various psychological effects including changes of psychological boundaries and needs, and psychological dependence. The author of the article suggests that the list of such effects might contain disembodying resulting from the lack of a person's physical body due to their being on the aethyr and transformation of a person into an immaterial being (M. McLuhan). The new technological way of being-in-the-world is similar to a schizoid one, which R.D. Laing, a British psychologist and psychiatrist, relates to ontological insecurity, unembodiment (of the mental self in the body) and blurring of the existential boundaries between the «self» and «non-self». The authorial psychological construct of ontological security as a two-level system of experience, based on R.D. Laing's conception, and authorial diagnostic procedures derived from this construct were used in the study. The first procedure was based on the principle of semantic differential «OS(SD)» and the second procedure was psychometric «OS(PM)». It was discovered that the group of students suffering from more pronounced consequences of normative use of mobile phones and prone to Internet-addicted behavior showed certain effect. It included a decline in manifestations of ontological security as experiencing existential props within and outside their selves, lower degree of existential antagonism (when existence is viewed as «a good life») and inflation of a false self linked to ontological insecurity and disembodying. The analysis of the total sample revealed the selective nature of connections between the consequences of normative use of mobile phones and ontological security. In particular, a decline of the latter was associated with increasing changes in psychological borders. They involved the changes in the reflection of personal privacy during the expansion and erosion of the psychological borders, and the changes in the use of these conditions to simplify and secure communication with other people.

Keywords: ontological security, embodiment, changes of psychological boundaries, Internet addiction.

Введение

Проблема онтологической неуверенности – уверенности, невоплощенности – воплощенности (ontological insecurity – security, embodiment – unembodiment), которую британский психиатр Р.Д. Лэйнг разрабатывал на примере шизоидов и шизофреников [Лэйнг Р.Д., 2017], неожиданным образом приобретает актуальность в свете исследования последствий влияния информационных технологий на человека. Среди них сегодня наиболее изучена интернет-зависимость, которую в традиционном клиническом подходе (К. Янг (1996), А. Голдберг (1996), М. Орзак (1998), В. Лоскутова, Л.Н. Юрьева, Т.Ю. Больбот, С.Х. Чен) определяют в целом на основе тех же критериев, что и другие виды аддикции (в частности, наркотическую и алкогольную). К этим критериям относят непреодолимую тягу

(addictus — «пристрастившийся к чему-то»), толерантность, потерю контроля над поведением, симптомы (синдром) отмены, разнообразные нарушения поведения вплоть до асоциальных проявлений. Исследователи выделяют большее или меньшее количество критериев, предлагают разные варианты их обозначения и/или структурирования, ограничиваясь, однако, клинической симптоматикой. Описательный характер критериев, конкретизируемых за счет внешней «фактуры» интернет-зависимости, не проясняет внутреннюю сущность феномена. Ограничения клинического подхода очевидны в условиях массового применения информационных технологий. Принимая взгляд на них как на психотехнологии (Schimmenti A., Caretti V. [цит. по: Рассказова Е.И. и др., 2015, с. 9–10], остается признать,

что в скором времени психология может стать киберпсихологией.

В связи с этим особый интерес представляет изучение процессов, происходящих при обычном повседневном применении разнообразных технических средств связи и получения информации, начало которому положено в исследованиях В.А. Емелина (2009, 2010, 2014, 2015, 2016), А.Ш. Тхостова, В.А. Емелина (2010, 2011, 2014, 2015), В.А. Емелина, Е.И. Рассказовой, А.Ш. Тхостова (2012, 2013, 2015, 2016).

Актуальность предложенной авторами модели психологических последствий «нормативного» применения Интернета, мобильной связи, компьютера (в широком смысле) определяется также использованным авторами принципиально новым подходом, предполагающий изучение конкретных психологических факторов и механизмов, посредством которых возможности, открываемые техническими средствами, инкорпорируются человеческой психикой, перестраивают ее, способствуя, в частности, и формированию технологических зависимостей [Емелин В.А. и др., 2012а, 2012б; Рассказова Е.И. и др., 2015]. Системообразующий вектор последствий применения технических средств в обсуждаемой модели представляют связанные с изменением психологических границ, что послужило основанием для названия оригинального диагностического инструментария: методики оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ-ТС). Изменение психологических границ имеет отношение к двум другим векторам модели: к трансформации структуры потребностей и формирования психологической зависимости, на основе которой представлен аддиктивный потенциал технологий.

Авторы опираются на концепцию телесности А.Ш. Тхостова, относящего к последней не только физическое, но и социальное тело. Границы телесности отделяют Я от не-Я, «мое» от «не моего» на основании внутреннего критерия, подразумевающего возможность контроля. Технические средства существенно осложняют непростую динамику границ телесности (идентичности). Их практически бесконечное расширение В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова называют в качестве первого и очевидного изменения, вызванного новыми технологиями, отмечая в целом несопоставимость

возможностей, открываемых технологиями, физическим возможностям человека. Это касается мобильных устройств с множеством функций, которые, в отличие от стационарных телефонов, превратившись в некое подобие органов тела, несомненно сильнее влияют на жизнь людей, буквально преображая ее. Второе важное изменение, неотделимое от расширения психологических границ, авторы усматривают в их размытии. Доступность объектов, особенно других людей и без использования технических средств автоматически не означает их подконтрольности, а с использованием связи, исключающей физический контакт, опосредованной множеством случайных факторов (наличием гаджета, его исправностью, состоянием сети и т.д.), так что сама доступность становится частичной и иллюзорной. Склонность субъективного переживания игнорировать эти факторы не в последнюю очередь обязана своим происхождением отмечаемой авторами модели особенности технических средств: их устройство для большинства людей остается тайной. Всегда находящиеся под рукой «волшебные помощники» актуализируют исключающее критику магическое мышление. Среди факторов, поддерживающих иллюзию доступности (и подконтрольности), В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова называют также сложившиеся негласные правила пользования телефоном, предписывающие быть на связи, следить за поступающими сообщениями, отвечать в случае звонка. Стертые в опосредованном общении границы собственного Я, с одной стороны, порождают у человека ощущение безопасности (можно не отвечать на нежеланный звонок, взять тайм-аут для ответа, ограничиться СМС-сообщением и т.д.), а с другой — открывают доступ к его личному пространству, угрожают утратой приватности.

Изменение психологических границ при использовании информационных технологий лежит в основе другого вектора последствий, сопоставимого с психологической зависимостью. Эта наиболее ярко проявляется в киборгизации, расширении границ физического Я, в которое техническое средство включается практически наравне с частями тела, и инвалидизации, переживании беспомощности при его недоступности. Третий вектор изменений связан с новыми потребностями, которые формируют тех-

нологии: в том, чтобы быть (считаться) продвинутым пользователем, постоянно находиться на связи, в «статусном» телефоне, наличии в нем дополнительных функций, среди которых наиболее востребованы мобильный Интернет, фото, видеокамера, диктофон. Эти потребности не в последнюю очередь обусловлены включением персонализированных гаджетов в структуру идентичности.

В отличие от симптомов интернет-зависимости последствия нормативного использования информационных технологий неоднозначны с точки зрения влияния на человека. Негативные последствия, предполагающие формирование аддикции с полным набором симптоматики, представляют собой результат искажения рассмотренных процессов нормативного использования технических средств в условиях действия ситуативных и личностных факторов, при которых технология приобретает большую притягательность, чем реальная жизненная ситуация [Рассказова Е.И. и др., 2015, с. 26].

Есть основания считать, что информационные технологии предоставляют их пользователям, помимо возможности изменения психологических границ, другую, вероятно, связанную с ней возможность — убежать из собственного тела, которую Б. Бекер называет одним из главных факторов, мотивирующих участие в виртуальной коммуникации (Becker B. (1997) [цит. по: Жичкина А.Е., Белинская Е.П., 2004]. М. Маклюэн обращал внимание на отсутствие физического тела у пребывающего в эфире человека, и в связи с этим радикальное изменение всех его отношений [К столетию Маршалла Маклюэна..., 2011]. Аналогичным образом английский экзистенциальный психолог, психиатр Р.Д. Лэйнг определял шизоидный способ бытия-в-мире в системе категорий онтологической неуверенности (ontological insecurity), невоплощенности (unembodiment), которым противопоставлял онтологическую уверенность (ontological security), воплощенность (embodiment) как «обычных», так и психологически здоровых людей.

От других феноменов, соотносимых с психологическим здоровьем, с подлинностью существования в концепциях Л. Бинсвангера, Р. Мэя, В. Франкла, А. Лэнгле, С. Мадди (экзистенциальная сила, онтологическая сила, воля к

смыслу, экзистенциальная исполненность, жизнестойкость), онтологическую уверенность отличает то, что соответствующее ей экзистенциальное положение (existential position, existential setting) предполагает воплощенное (в теле) Я (embodied self). Из формул онтологической уверенности (я/тело) ↔ другой, (я/тело) ↔ мир (английские аналоги: (self/body) ↔ other, (self/body) ↔ world) [Лэйнг Р.Д., 2017, с. 77, 184; Laing R.D., 2010, p. 82, 174] также следует, что это положение подразумевает наличие вполне определенной естественной границы между Я и не-Я, совпадающей с границами физического тела человека. Воплощение Я в теле является предпосылкой его воплощения в теле социальном и шире «прямого участия в любом аспекте жизни этого мира, который опосредован исключительно благодаря телесному восприятию, чувствам и действиям» [Лэйнг Р.Д., 2017, с. 63]. Воплощенность Я, отчетливость границы между Я и не-Я составляют предпосылки переживания личностной автономии и в то же время связанности с людьми и миром. Соответствующее противоречие человеческого существования, отмеченное, помимо Р.Д. Лэйнга, Э. Фроммом, Р. Мэем и др., в основном совпадает с тем, что А. Лэнгле назвал экзистенциальным антагонизмом, присущим состоявшейся, «полной», целостной жизни [Лэнгле А., 2006, с. 80]. Онтологическую уверенность как переживание человеком своего бытия раскрывают выражения «переживать самое себя “вместе с” остальными или “как у себя дома” в этом мире», эта уверенность подразумевает «чувство целостности своего бытия, непрерывности времени и местоположения в пространстве» [Лэйнг Р.Д., 2017, с. 6, 35] и является основанием любой уверенности.

К изложенным выше идеям Р.Д. Лэйнг приходит, изучая онтологическую неуверенность своих пациентов, шизоидов и шизофреников, которые на реальные или мнимые угрозы, исходящие от мира, посягательства других людей на их свободу быть собой отвечали радикальным отчуждением тела, подверженного ввиду его положения на границе между Я и не-Я управлению извне. В итоге тело превращалось в ядро ложного Я (false self), состоящего из масок, ролей, вынужденных идентификаций. Себя пациенты отождествляли исключительно с внутренним ментальным Я. В положении онто-

логической неуверенности я ↔ (тело – другой) или я ↔ (тело – мир) (английские аналоги: self ↔ (body – other), self ↔ (body – world)) [Лэйнг Р.Д., 2017, с. 77, 147; Laing R.D., 2010, p. 82, 143] Я не воплощено в теле (unembodied self). Хотя «каждый человек, даже самая невоплощенная личность, переживает самого себя как сложным образом связанного со своим телом» [Лэйнг Р.Д., 2017, с. 60], передача «врат действия» ложному Я приводит к тому, чтоudem л истинного Я становится по преимуществу бытие-созерцание, наблюдение за жизнью ложного Я в мире, разделяемом с другими людьми. Отношения с ними сводятся к крайностям изоляции – слияния, необходимым для поддержания существования разнопланового Я. Еще одно следствие раскола Я состоит в нарушении психологических границ, в том, что «заронено зерно постоянного схождения, слияния или путаницы на границе между “здесь” и “там”, “внутри” и “снаружи”, поскольку тело не твердо ощущается как “Я” в противоположность “не-Я”» [Лэйнг Р.Д., 2017, с. 184]. Невоплощенность (ментального Я в теле), объединяющая новый технологический способ бытия-в-мире с представленным в концепции Р.Д. Лэйнга шизоидным, позволила рассматривать последний в качестве модели интернет-зависимости, замыкающей человека в виртуальной реальности [Коптева Н.В., 2017].

Следует ожидать, что по сравнению с интернет-аддикцией, характеризующейся преобладанием технологического способа бытия-в-мире, при нормативном использовании информационных технологий, относительной сбалансированности этого способа с другими негативные последствия в виде онтологической неуверенности, невоплощенности будут выражены в меньшей мере. Полученные авторами методики МИГ-ТС2 данные о вкладе психологических изменений, имеющих место при «обычном» использовании технологий, в субъективное благополучие и качество жизни человека, позволяют также прогнозировать их неоднозначную (в отличие от интернет-зависимости) связь с обсуждаемыми экзистенциальными последствиями.

На основании изложенного можно выдвинуть конкретные гипотезы эмпирического исследования: 1) пользователям с более выраженными нормативными последствиями примене-

ния технологий (изменением психологических границ, потребностей, психологической зависимостью) в меньшей мере свойственны переживания элементов бытия-в-мире как опор, а также экзистенциального антагонизма (автономии и одновременно связанности с людьми и миром), при этом их в большей мере отличает отличие ложного Я; 2) среди последствий нормативного применения технологий и их частных измерений имеются:

- связанные с проявлениями онтологической уверенности более тесно (изменение психологических границ и психологическая зависимость) и менее тесно (изменение потребностей);
- предполагающие снижение онтологической уверенности (частные параметры изменения психологических границ и психологическая зависимость), ее рост (частные параметры изменения потребностей), а также нейтральные по отношению к ней (частные параметры изменения психологических границ и потребностей).

Организация и методики исследования

Инструментарий, использованный для диагностики онтологической уверенности (ОУ), воплощенности, восходит к общепсихологическому двухуровневому конструкту, созданному на основе концепции Р.Д. Лэйнга [Коптева Н.В., 2015].

Отправной точкой уровня менее дифференцированных базовых переживаний онтологической уверенности служат переживания человеком собственного воплощенного Я, которые, распространяясь на другие элементы бытия-в-мире, становятся опорами, «сшивают» пространство бытия в единое целое. Переживания онтологической уверенности этого уровня диагностирует методика ОУ(СД), построенная на принципе семантического дифференциала. Для выявления переживания человеком элементов бытия-в-мире в качестве опор респондентам предлагаются оппозиции прилагательных, соответствующих критериям близости, ценности и оценки. Из 5 первичных шкал уверенность в ментальном Я и уверенность в теле составляют уверенность в Я, уверенность в значимом, уверенность в людях, уверенность в мире — уверенность в том, что относится к не-Я, переживания единства своей сущности с тем, что состав-

ляет индивидуальную ценность, причастности к другим людям, единоприродности с миром. Частные шкалы объединяет общий показатель, характеризующий ОУ как переживание уверенности в собственном Я и за его пределами, переживание опор в пространстве бытия.

Уровень более дифференцированных переживаний онтологической уверенности составляют переживания, имеющие отношение к личностной автономии и связанности с другими людьми, миром, для диагностики которых предназначена психометрическая методика ОУ(ПМ). Она включает 30 пунктов, образующих четыре первичные шкалы. Три шкалы являются измерениями ОУ: *автономия, витальные контакты с миром, витальные контакты с людьми*. Шкала *ложное Я* характеризует онтологическую неуверенность, наличие раскола Я, невоплощенность. Общий показатель ОУ как переживания автономии, отделенности от других людей, мира и одновременно связанности с ними вычисляется путем сложения первых трех шкал, из суммы которых вычитается показатель шкалы *ложное Я* [Коптева Н.В., 2015].

В ранее проведенном эмпирическом исследовании онтологической уверенности при разной выраженности интернет-зависимого поведения было установлено снижение ее различных проявлений и рост онтологической неуверенности (ложного Я) от группы интернет-независимых к группе склонных к формированию зависимого поведения и собственно зависимых пользователей. Эти группы были выявлены с помощью «Китайской шкалы зависимости от Интернета» (CIAS) С.-Х. Чена, разработанной на Тайване и адаптированной в России [Малыгин В.Л. и др., 2011; Chen Y.F., Peng S.S., 2008; Yen J.-Yu et al., 2009]. В последней из групп обнаружены более низкий уровень уверенности в теле по сравнению с уверенностью в ментальном Я и отсутствие различий между переживанием бытийных опор, относящихся к Я и не-Я, что может указывать на ненормативную границу, соответствующую расколу целостного Я, а также на недифференцированность границ в пространстве бытия [Коптева Н.В., 2017]. В целом эти данные могут интерпретироваться как свидетельства невоплощенности и нарушения психологических границ в связи с ростом выраженности технологического способа бытия-в-мире.

В настоящем исследовании в целях изучения последствий нормативного применения информационных технологий применялась методика оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ-ТС2), форма для мобильного телефона [Рассказова Е.И. и др., 2015]. Шкала психологической зависимости этой методики не претендует на выявление всей соответствующей симптоматики. Ввиду отсутствия инструмента для диагностики зависимости от мобильной связи, для полноты картины последствий информационных технологий была использована уже упомянутая шкала С.-Х. Чена. К аргументам, оправдывающим ее применение в данном случае, можно отнести понимание аддикции как усугубляющей процессы использования технических средств в норме, широкую эксплуатацию в современных смартфонах мобильного Интернета, наличие у большинства пользователей сразу нескольких технических средств и условный характер выделения в их совокупном влиянии на человека последствий применения каждого по отдельности.

Объем выборки исследования — 121 чел. Выборку составили студенты гуманитарного профиля вузов г. Перми (возраст: от 18 до 22 лет).

Результаты

Группы респондентов, различающиеся выраженностью последствий использования мобильной связи и уровнем онтологической уверенности

С помощью кластерного анализа центров K-Mean Claster суммарных шкал методики МИГ-ТС2 были выделены две группы респондентов, различающиеся выраженностью последствий использования информационных технологий (рис. 1, табл. 1).

В первой группе ($N = 65$) менее выражены, чем во второй, последствия использования мобильной связи: изменения психологических границ (расширение, «размывание», потеря приватности) и изменения в сфере потребностей (субъективная значимость функциональности, удобства, количества дополнительных функций технических устройств, создаваемого ими имиджа). Для этой группы в меньшей степени, нежели для других, характерна психоло-

гическая зависимость, объединяющая изменения, связанные с частотой, мерой использования мобильного устройства и возможностью отказа от него. Три соответствующих показателя в группе ниже средних значений, полученных авторами методики в ходе ее апробации [Рассказова Е.И. и др., 2015, с. 115]. Вторую

группу ($N = 56$) составили респонденты, у которых показатели изменения психологических границ, потребностей и психологической зависимости превышают средние значения, полученные авторами методики [Рассказова Е.И. и др., 2015, с. 115].

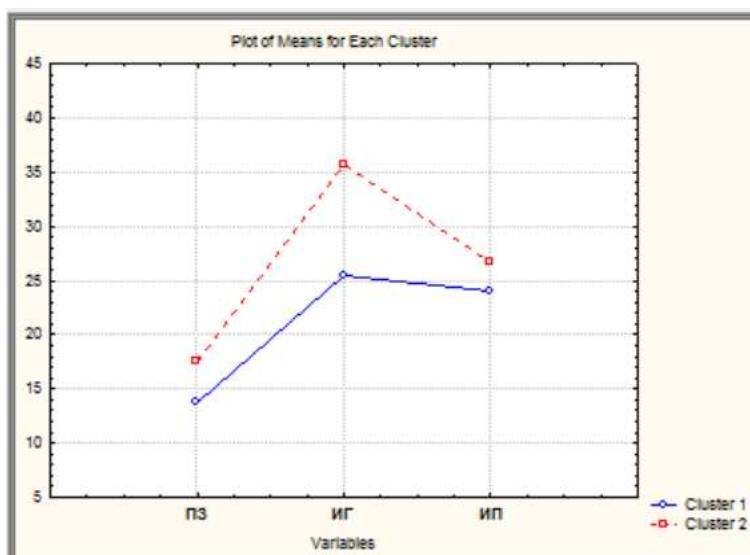

Рис. 1. Группы респондентов, различающиеся выраженностью последствий использования мобильной связи

Fig. 1. Groups of respondents differing in the degree of consequences of mobile phones use

Таблица 1. Различия групп по выраженности последствий использования мобильной связи

Table 1. Differences between groups according to the degree of consequences of mobile phones use

	Группы	
	с более выраженнымими психологическими последствиями использования мобильной связи	с менее выраженнымими психологическими последствиями использования мобильной связи
Кол-во чел	56	65
	Mean	Mean
Психологическая зависимость (14,9)*	18,2	13,8
Изменение психологических границ (28,48)*	35,8	27,0
Изменение потребностей (24,6)*	26,7	24,1

* суммарные средние показатели по соответствующим частным шкалам, приводимым авторами методики [Рассказова Е.И. и др., 2015, с. 115].

* aggregate figures on the relevant scales as presented by the authors of the procedure [Rasskazova E.I. et al., 2015. p. 115].

При сопоставлении характеристик групп с помощью t -критерия (табл. 2) установлено, что во второй группе также выше все частные показатели психологических последствий использования мобильной связи (невозможность отказа, субъективная зависимость, расширение границ в общении, рефлексия нарушения границ,

предпочтение технологии – простота, предпочтение технологии – возможности, удобство, создание имиджа). Различия между группами отсутствуют только по частной шкале изменения потребностей (функциональность), свидетельствующей о субъективной значимости выполнения телефоном основной функции —

обеспечения мобильной связи. То есть телефон как средство связи обе группы используют в равной мере. Подтверждением того, что представители группы с более выраженными психологическими последствиями использования технологии в большей мере действуют все разнообразие предоставляемых ей функций, могут служить обнаруженные между группами различия по шкалам *субъективная зависимость, предпочтение технологии — возможности и удобство*.

Общий CIAS балл, объединяющий симптоматику интернет-зависимости (компульсивные симптомы, симптомы отмены, толерантности) и проблемы, связанные с нею (внутриличностные, со здоровьем, а также с управлением временем), в группе с более выраженными последствиями применения мобильной связи составил 60,6. На его близость к верхней границе склонности к аддикции указывают нормативные интервалы теста для русскоязычной выборки: от 27 баллов до 42 — отсутствие интернет-зависимого пове-

дения, от 43 баллов до 64 — склонность к возникновению интернет-зависимого поведения / доаддиктивный этап, от 65 баллов и выше — наличие интернет-зависимого поведения (поведения с компонентом злоупотребления Интернетом) [Малыгин В.Л. и др., 2011, с. 28]. В группе с менее выраженными последствиями использования мобильной связи общий CIAS балл 45,1 приближается к нижней границе склонности к возникновению интернет-зависимого поведения. Полученные данные согласуются с представлением об аддикции как о своеобразном продолжении процессов, имеющих место при нормативном применении технологий, и дополняют характеристику групп. Обе они составлены склонными к интернет-зависимости пользователями (ее отсутствие обнаружилось только у 29 чел., т.е. 25,9 % выборки) и могут условно считаться группами, различающимися между собой последствиями нормативного применения информационных технологий (мобильной связи и интернета).

Таблица 2. Различия групп по частным характеристикам психологических последствий использования мобильной связи и интернет-зависимости

Table 2. Differences between groups according to the specific characteristics of the psychological consequences of mobile phones use and Internet addiction

Методики, показатели		Группа		t-value	p
		с более выраженными психологическими последствиями использования мобильной связи	с менее выраженными психологическими последствиями использования мобильной связи		
		Mean	Mean		
Психол. зависимость	Невозможность отказа	8,8	7,7	4,3	0,000
	Субъективная зависимость	9,4	6,1	8,3	0,000
Изменение психол. границ	Расширение границ в общении	8,6	7,3	2,6	0,012
	Рефлексия нарушения границ	8,9	6,1	6,9	0,000
	Предпочтение технологии — простота	8,4	6,0	5,5	0,000
	Предпочтение технологии — возможности	9,9	7,6	7,6	0,000
Изменение потребностей	Функциональность	9,3	9,4	-0,3	0,777
	Удобство	10,4	9,6	2,2	0,026
	Создание имиджа	6,9	5,6	2,9	0,005
Общий CIAS балл		60,6	45,1	8,0	0,000

Полученные группы также можно рассматривать как группы, различающиеся представленностью технологического модуса бытия-в-мире (табл. 3). Представители группы с большей его выраженностью в меньшей степени

демонстрируют онтологическую уверенность, чем представители второй группы. Показатели переживания опор в пространстве бытия-в-мире, в собственном Я и за его пределами, а также экзистенциального антагонизма, автоно-

мии и в то же время связанности с людьми и миром у них ниже (5,4 и 58,9), чем в группе, которую этот модус характеризует в меньшей мере (5,8 и 67,5) (табл. 3) (на выборке 500 чел. ранее были установлены средние значения для методик: 5,6 и 69,6).

С точки зрения частных измерений онтологической уверенности обоих уровней группы прежде всего различаются по показателям, соотносимым с переживаниями собственного Я как ядра индивидуального бытия:

- уверенности в ментальном Я и уверенности в теле (5,7, 5,5 и 6,3, 6,0), взаимосвязь которых позволяет рассматривать их как свидетельствующие об уверенности респондентов в собственном воплощенном Я;
- автономии (27,8 и 29,1);
- ложного Я (19,9 и 16,6).

Группу с более выраженным технологическим модусом бытия в меньшей мере характеризуют переживания уверенности в Я, личностной автономии, в ней также ниже уверенность в значимом (6,5 и 6,2), которую можно рассматривать как уверенность в особом, ценностном уровне Я [Рубинштейн С.Л., 2000]. Ее представителей в большей мере, чем представители другой группы, отличают переживания ложного Я, отстраненности от собственного тела и поведения. Более низкий показатель, соотносимый с не-Я (витальные контакты с миром (23,3 и 25,1)), указывает на их меньшую удовлетворенность жизнью, дефицит переживаний, передаваемых метафорическими образами: «твердо стоять обеими ногами на земле» (по Л. Бинсвангеру), «чувствовать себя в этом мире как дома» (по Э. Фромму, Р.Д. Лэйнгу).

Таблица 3. Различия групп по характеристикам онтологической уверенности

Table 3. Differences between groups according to the characteristics of ontological security

ОУ(ИМ)	Переживания бытийных опор	Методики, показатели	Группы		Статистики		
			с более выраженным технологическим модусом бытия	с менее выраженным технологическим модусом бытия	Mean	t-value	p
			Mean	Mean			
		в значимом	6,2	6,5	-2,1	0,036	
		в Я	5,7	6,3	-3,8	0,000	
		в теле	5,5	6,0	-2,8	0,007	
		в людях	5,1	5,4	-1,6	0,118	
		в мире	4,4	4,8	-1,8	0,072	
		Общий показатель	5,4	5,8	-3,7	0,000	
		Витальные контакты с миром	23,3	25,1	-2,0	0,047	
		Витальные контакты с людьми	29,5	31,2	-1,7	0,097	
		Автономия	26,1	27,8	-2,0	0,050	
		Ложное Я	19,9	16,6	3,6	0,000	
		Общий показатель	58,9	67,5	-3,0	0,004	

Снижение бытийной уверенности, являющейся основанием любой уверенности, почти в половине выборки с преобладанием технологического модуса бытия можно связать с ранее отмеченной несоразмерностью открываемых технологиями возможностей с натуральными возможностями, с тем, что «они ставят перед человеком задачу на преодоление этой несоразмерности, сохранение целостности своего “Я” и образа мира» [Рассказова Е.И. и др., 2015, с. 7].

Для проверки гипотезы в части связей психологических последствий нормативного использования мобильной связи и измерений онтологической уверенности был использован корреляционный анализ в общей выборке.

Корреляции психологических последствий использования мобильной связи и измерений онтологической уверенности

Как и ожидалось (табл. 4), рост изменений психологических границ предполагал рост ложного Я (3 прямых связи) и снижение ряда показателей онтологической уверенности (23 обратных связи). Однако практически все эти связи образовали изменения психологических границ, соотносимые с двумя шкалами: *предпочтение технологии – простота и рефлексия нарушения приватности*.

Таблица 4. Корреляции онтологической уверенности и изменения психологических границ как последствия использования мобильной связи

Table 4. Correlations between ontological security and changes of psychological boundaries as the effects of mobile phones use

	<i>Расширение границ в общении</i>	<i>Рефлексия нарушения границ</i>	<i>Предпочтение технологии – простота</i>	<i>Предпочтение технологии – возможности</i>	<i>Изменение психологических границ</i>
Уверенность в значимом	0,01	-0,25**	-0,12	-0,01	-0,16
Уверенность в ментальном Я	-0,04	-0,23*	-0,39***	-0,09	-0,32***
Уверенность в теле	-0,01	-0,29**	-0,38***	-0,13	-0,34***
Уверенность в людях	0,12	-0,17	-0,07	-0,08	-0,08
Уверенность в мире	-0,12	-0,13	-0,07	0,00	-0,14
Общий показатель ОУ (СД)	-0,01	-0,32***	-0,30**	-0,10	-0,30***
Витальные контакты с миром	0,03	-0,20*	-0,22*	0,12	-0,13
Витальные контакты с людьми	0,23*	-0,24*	-0,23*	0,01	-0,09
Автономии	-0,03	-0,19*	-0,26**	0,05	-0,19*
Ложное Я	0,15	0,30**	0,35***	0,17	0,41***
Общий показатель ОУ(ПМ)	0,03	-0,30**	-0,34***	0,00	-0,26***

Примечание: коэффициенты корреляции по К. Пирсону (здесь и далее): * — при $p < 0,05$, ** — при $p < 0,01$, *** — при $p < 0,001$.

Note: Pearson's correlation coefficients (hereinafter): * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$, *** — $p < 0.001$.

Рефлексии нарушения приватности соответствуют пункты МИГ–ТС2¹, свидетельствующие о нежелании все время быть «в зоне доступа» для других людей, перезванивать тем, кто звонил, и т.д., о том, что расширение и размытие границ идентичности, привнесенное в жизнь вместе с технологиями, осознается пользователями как обременительная доступность множеству абонентов. Рефлексия дискомфорта в условиях избыточной открытости, возможно, актуализирует ложное Я ($r = 0,30$ при $p < 0,01$) и характерные для него переживания опасности, угрозы со стороны других людей: «Мир — тюрьма без решеток» (по Р.Д. Лэйнгу), «ходить по тонкому льду» (по Л. Бинсвангеру).

Предпочтение технологии ввиду ее простоты и безопасности (пункты, указывающие на предпочтение СМС-сообщений реальным разговорам, общения по мобильному телефону личному общению) также предполагает рост проявлений ложного Я ($r = 0,35$ при $p < 0,01$). Опосредованное мобильной связью общение предоставляет ряд возможностей, связанных с неопределенностью топологии идентичности, как собственной, так и других людей (оставаться незнанным, не вовлекаться в предмет обсужде-

ния, получать отсрочку, уклоняться от ответа), маловероятных или труднодостижимых в общении лицом к лицу. Однако злоупотребление опосредованными контактами может обернуться отчуждением и связанным с ним самоотчуждением, присущим ложному Я, переживаниями разрыва между внутренней сущностью и маской, ролью. Простота общения с помощью технических средств подобна той, к которой стремится шизоид, усматривающий в любой паре устремленных на него глаз взгляд горгоны Медузы. Чтобы обезопасить себя, он сохраняет анонимность, отказывается от чувств в общении, увеличивает психологическую дистанцию между собой и другим, придерживается установки на внешнее согласие. Уклоняясь от живых диалектических отношений с реальными людьми, шизоид в итоге связывает себя «лишь с деперсонализированными личностями, с фантомами собственных фантазий (имаго)» [Лэйнг Р.Д., 2017 с. 73]. Почти то же самое можно сказать по поводу общения, ограниченного техническими средствами.

С ростом предпочтения технологии ввиду ее простоты, а также рефлексии утраты приватности снижается переживание:

- бытийных опор в *теле* и *ментальном Я* ($r = 0,38$, $0,39$ при $p < 0,001$, $r = 0,23$ при $p < 0,05$, $r = 0,29$ при $p < 0,01$), что можно объяснить отмеченной ранее несоразмерностью новых расширенных границ Я с

¹ Так как определения частных шкал в МИГ–ТС2 отсутствуют, приводятся примеры содержания соответствующих им пунктов.

- физическими возможностями воплощенного в теле Я, составляющего ядро индивидуального бытия, размыванием его естественных границ;
- *автономии* ($r = 0,26$ при $p < 0,01$ и $r = 0,19$ при $p < 0,05$), переживания себя в качестве независимой, способной к самостоятельному выбору личности.

Итак, обе характеристики изменения психологических границ, о которых идет речь, предполагают снижение проявлений онтологической уверенности, относящихся к Я (уверенности в ментальном Я и теле, в индивидуальной ценности, автономии), и рост ложного Я, по которым обнаружены различия в группах с более и менее выраженным технологическим модусом бытия.

Осознание проницаемости личных границ и предпочтение опосредованного общения негативно отражается не только на личности, но и на ее *витальных контактах с людьми* ($r = 0,24$ и $r = 0,23$ при $p < 0,05$), подразумевающих интерес к ним, удовольствие от общения, опыт диалогического общения «Я – ТЫ», а также на *витальных контактах с миром* ($r = 0,20$ и $r = 0,22$ при $p < 0,05$), переживании его надежности.

Соответственно, с ростом предпочтения технологии ввиду ее простоты, рефлексии утраты приватности снижается онтологическая уверен-

ность в своих основных измерениях: как *переживание бытийных опор* в собственном Я и за его пределами, а также как *переживание автономии и одновременно связанности с людьми и миром* ($r = 0,30$ при $p < 0,01$, $r = 0,32$ при $p < 0,001$, $r = 0,34$ при $p < 0,001$, $r = 0,30$ при $p < 0,01$).

В отличие от двух обсуждаемых шкал, две другие шкалы изменения психологических границ (*расширение границ в общении* и *предпочтение технологии – возможности*) (в соответствующих им пунктах методики выражается беспокойство или раздражение по поводу того, что абонент не снимает трубку, признается важность предоставляемой мобильным телефоном возможности в любой момент дозвониться до абонента, отмечается незаменимость мобильного телефона в ситуациях долгого ожидания, необходимости отвлечься от неприятного разговора, события или просто чем-то занять себя) оказались нейтральными в отношении онтологической уверенности. Причина может заключаться в том, что эти изменения соотносятся как с удобствами, предоставляемыми мобильной связью, так и с ее неизбежными ограничениями в условиях расширенных и размытых психологических границ.

Таблица 5. Корреляции онтологической уверенности и изменения потребностей как последствия использования мобильной связи

Table 5. Correlations of ontological security and changes of needs as the effects of mobile phones use

	Функциональность	Удобство	Создание имиджа	Изменение потребностей
Уверенность в значимом	0,14	0,01	-0,08	0,03
Уверенность в ментальном Я	0,13	0,07	0,00	0,09
Уверенность в теле	0,19*	-0,07	0,00	0,06
Уверенность в людях	0,17	-0,09	0,32***	0,23*
Уверенность в мире	0,04	-0,03	0,06	0,04
Общий показатель ОУ СД)	0,20*	-0,04	0,12	0,15
Витальные контакты с миром	0,39***	0,04	0,14	0,28**
Витальные контакты с людьми	0,34***	0,02	0,21*	0,29**
Автономии	0,46***	-0,01	0,18	0,32***
Ложное Я	-0,27**	-0,08	-0,03	-0,18
Общий показатель ОУ (ПМ)	0,46***	0,04	0,18	0,34***

По нашим данным, в отличие от показателей шкал изменения психологических границ с показателем другого вектора последствий использования технологий — трансформации потребностей вследствие использования мобильной связи — измерения онтологической уверенности

коррелируют положительно (13 связей), за исключением связи с ложным Я (табл. 5). Но и в этом случае все связи образует изменение потребностей, соотносимых с *функциональностью, значимостью основной функции мобильного телефона* (пункты методики, отражающие удоб-

ство мобильного телефона, позволяющего всегда быть на связи, простоту общения, возможность дозвониться до абонента в любой момент). Появление ценности мобильной связи в условиях глобализации, мобильности населения, современного темпа жизни, усложнения стоящих перед человеком задач, а главное, практически гарантированное удовлетворение соответствующих потребностей может служить фактором онтологической уверенности как переживания экзистенциального антагонизма: автономии и витальных контактов с миром и людьми. Потребность быть на связи (в отличие от принуждения к связи) снижает степень проявления ложного Я. Корреляция *потребности в создании имиджа* с уверенностью в людях и восприятием своих контактов с ними как витальных ($r = 0,32$ при $p < 0,001$, $r = 0,21$ при $p < 0,5$) подразумевает социальную природу желаемого Я-образа.

Вопреки гипотезе, обнаружились лишь единичные связи характеристики онтологической неуверенности, ложного Я с общим показателем третьего вектора последствий — психологической зависимости и соответствующей ей частной шкалы *субъективной зависимости* ($r = 0,25$, $0,25$ при $p < 0,1$), содержание пунктов которой говорит о том, что мобильный телефон отнимает больше времени, чем хотелось бы, об использовании его даже при отсутствии необходимости. Слабая обратная связь *невозможности отказа* (пункты методики, указывающие на невозможность представить свою жизнь без мобильного телефона, дискомфорт при его отсутствии) с уверенностью в теле ($r = -0,20$ при $p < 0,5$) может указывать на снижение переживания воплощенности при нормативном использовании технологии, ранее обнаруженное при интернет-зависимости [Коптева Н.В., 2017].

Заключение

К последствиям использования информационных технологий, помимо предусмотренных в модели В.А. Емелина, А.Ш. Тхостова, Е.И. Рассказовой, можно также отнести дефицит воплощенности Я. Полученные данные позволяют судить об этом скорее косвенно, на том основании, что у пользователей одной из этих технологий (мобильной связи) с более выраженными изменениями психологических границ, потребностей и психологической зависимости ниже уровень онтологической уверенности (как переживания

бытийных опор, а также автономии и связаннысти с людьми и миром), являющейся условием воплощенности. Они также менее уверены в собственном Я как ядре индивидуального бытия при более высоком уровне переживания подмены его масками и ролями ложного Я.

В отличие от интернет-зависимости, предлагающей снижение онтологической уверенности и ее измерений, связь с нею последствий нормативного использования мобильного телефона носит избирательный характер. Как и оказалось, снижение онтологической уверенности и рост проявлений ложного Я оказались в наибольшей мере связаны с изменением психологических границ, причем как с предпочтением технологии ввиду ее простоты, так и с рефлексией нарушения собственной приватности. То есть взаимосвязанные переживания проницаемости собственных психологических границ и дефицита воплощенности могут побуждать пользователя все чаще прибегать к безопасному опосредованному общению. Последнее, предполагая размытость не только границ абонента, но и собственных границ пользователя, в свою очередь, может усиливать у него переживание невоплощенности.

Изменение потребностей (в основном по критерию *функциональности, значимости основной функции мобильного телефона* — обеспечения связи), напротив, предполагает рост ряда измерений онтологической уверенности и снижение ложного Я, что соответствует условиям жизни человека в современном глобальном мире.

Ряд частных параметров психологических изменений, являющихся следствиями применения мобильной связи (*расширение границ в общении, предпочтение технологии — возможности, удобство*), соотносимых как с возможностями, предоставляемыми мобильной связью, так с ее неизбежными ограничениями, оказались нейтральными в отношении онтологической уверенности.

Нейтральность психологической зависимости по отношению к измерениям онтологической уверенности может указывать на ограниченность эффектов киборгизации, сращения с гаджетом при его нормативном использовании.

В ходе проведенного исследования было обнаружено, что инструментарий измерения онтологической уверенности не вполне соответ-

ствует задачам диагностики невоплощенности как экзистенциального последствия применения информационных технологий, характеристики технологического модуса бытия-в-мире. В настоящее время завершается разработка методики, специально предназначеннной для этой цели.

Список литературы

Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. 2012. № 1(7). С. 81–87.

Емелин В.А., Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Разработка и аprobация методики оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ-ТС) // Психологические исследования. 2012. № 2(22). URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/655-emelin22.html> (дата обращения: 14.11.2019).

Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Стратегии само-презентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью // Флогистон. 2004. 14 фев. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy> (дата обращения: 14.11.2019).

Коптева Н.В. Онтологическая уверенность как экзистенциальное измерение психологического здоровья // Волочков А.А., Коптева Н.В., Попов А.Ю. и др. Активность, ценностная направленность и психологическое здоровье студенчества. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 135–160.

Коптева Н.В. Онтологическая уверенность при разной выраженности интернет-зависимого поведения // Сибирский психологический журнал. 2017. № 65. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/65/1>

К столетию Маршалла Маклюэна // Радио Свобода. 2011. URL: <http://www.svoboda.org/a/24269535.html> (дата обращения: 22.06.2017).

Лэйнг Р.Д. Расколотое «Я»: Экзистенциальное исследование «нормальности» и безумия. Феноменология переживания и Райская птичка. М.: ИОИ, 2017. 350 с.

Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности: сб. статей. М.: Генезис, 2006. 159 с.

Малыгин В.Л., Феклисов К.А., Антоненко А.А., Смирнова Е.А., Хомерики Н.С. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учеб. пособие. М.: МГМСУ, 2011. 32 с.

Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека: учеб.-метод. пособие. М.: Акрополь, 2015. 115 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 684 с.

Chen Y.F., Peng S.S. University students' Internet use and its relationships with academic performance, interpersonal relationships, psychosocial adjustment, and self-evaluation // CyberPsychology & Behavior. 2008. Vol. 11, iss. 4. P. 467–469. DOI: <https://doi.org/10.1089/cpb.2007.0128>

Yen J.-Yu, Yen C.-F., Chen C.-S. Tang T.-C., Ko C.-H. The Association between Adult ADHD Symptoms and Internet Addiction among College Students: The Gender Difference // CyberPsychology & Behavior. 2009. Vol. 12, iss. 2. P. 187–191. DOI: <https://doi.org/10.1089/cpb.2008.0113>

Laing R.D. The Divided Self. An Existential Study in Sanity and Madness. L., UK: Penguin Books, 2010. 218 p.

Получено 22.12.2019

References

Chen, Y.F. and Peng, S.S. (2008). University students' Internet use and its relationships with academic performance, interpersonal relationships, psychosocial adjustment, and self-evaluation. *CyberPsychology & Behavior*. Vol. 11, iss. 4, pp. 467–469. DOI: <https://doi.org/10.1089/cpb.2007.0128>

Emelin, V.A., Rasskazova, E.I. and Tkhostov, A.Sh. (2012). *Psichologicheskie posledstviya razvitiya informatsionnykh tekhnologiy* [Psychological effects of the development of information technology]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 1(7), pp. 81–87.

Emelin, V.A., Tkhostov, A.Sh. and Rasskazova, E.I. (2012). *Razrabotka i aprobatsiya metodiki otsenki izmeneniya psikhologicheskikh granits pri pol'zovanii tekhnicheskimi sredstvami (MIG-TS)* [Development and validation of the technique for measurement of changes of psychological boundaries while using technical devices (TPB-TD)]. *Psichologicheskie issledovaniya*. No. 2(22). Available at: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/655-emelin22.html> (accessed 14.11.2019).

Yen, J.-Yu, Yen, C.-F., Chen, C.-S. et al. (2009). The association between adult ADHD symptoms and Internet addiction among college students: The gender difference. *CyberPsychology & Behavior*. Vol. 12, iss. 2, pp. 187–191. DOI: <https://doi.org/10.1089/cpb.2008.0113>

K stoletiyu Marshalla Maklyuena (2011) [To the centenary of Marshall McLuhan]. *Radio Svoboda*. Available from: <http://www.svoboda.org/a/24269535.html> (accessed 22.06.2017).

Kopteva, N.V. (2015). *Ontologicheskaya uverenost' kak ekzistensial'noe izmerenie psikhologicheskogo zdorov'ya* [Ontological confidence as an existential dimension of psychological health]. Volochkov A.A., Kopteva N.V., Popov A.Yu. i dr. *Aktivnost', tsennostnaya napravленность и психологическое здоровье студентства* [Volochkov A.A., Kopteva N.V., Popov A.Yu. et al. Activity, value orientation and psychological health of students]. Perm: PSHPU Publ., pp. 135–160.

Kopteva, N.V. (2017). *Ontologicheskaya uverenost' pri raznoy vyrazhennosti internet-zavisimogo povedeniya* [Ontological security with different degrees of internet addiction disorder]. *Sibirskiy psichologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. No. 65, pp. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/65/1>

Laing, R.D. (2010). *The divided self. An existential study in sanity and madness*. London, UK: Penguin Books Publ., 218 p.

Laing, R.D. (2017). *Raskolotoe «Я»*. *Fenomenologiya perezhivaniya i Rayskaya ptichka* [The politics of experience and the bird of paradise]. Moscow: IOI Publ., 350 p.

Langle, A. (2006) *Person: Ekzistensial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti, per. s nem.*

O. Larchenko [Person: Existential-analytic theory of personality, trans. from German by O. Larchenko]. Moscow: Genezis Publ., 159 p.

Malygin, V.L., Feklisov, K.A., Antonenko, A.A. et al. (2011). *Internet-zavisimoe povedenie. Kriterii i metody diagnostiki* [Internet-dependent behavior. Criteria and methods of diagnosis]. Moscow: MSUMD Publ., 32 p.

Rasskazova, E.I., Emelin, V.A. and Tkhostov, A.Sh. (2015). *Diagnostika psichologicheskikh posledstviy vliyaniya informatsionnykh tekhnologiy na cheloveka* [Diagnostics of psychological effects of the impact of information technologies on a person]. Moscow: Akropol' Publ., 115 p.

Rubinstein, S.L. (2000). *Osnovy obschey psichologii* [Fundamentals of general psychology]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 684 p.

Zhichkina, A.E. and Belinskaya, E.P. (2004). *Strategii samoprezentatsii v Internet i ikh svyaz' s real'noy identichnost'yu* [Strategies for self-presentation on the Internet and their relationship to real identity]. *Flogiston*. Feb 14. Available at: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy> (accessed 14.11.2019).

Received 22.12.2019

Об авторе

Коптева Наталья Васильевна

доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: kopteva@pspu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1466-9453>

About the author

Nataliya V. Kopteva

Doctor of Psychology, Docent, Professor
of the Department of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kopteva@pspu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1466-9453>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Коптева Н.В. Психологические последствия использования информационных технологий в связи с онтологической уверенностью и воплощенностью «Я» (на материале исследования студентов гуманитарного профиля) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 92–105.
DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-92-105

For citation:

Kopteva N.V. [Psychological effects of information technology use in relation to ontological security and embodied Self (based on the study of undergraduates of humanitarian faculties)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 92–105 (in Russian).
DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-92-105